

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

I

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

рукописи неоспорима, текст рукописи "Речи ста двадцати старцев" должен быть издан как письменный памятник маньчжурской литературы на завершающем этапе ее развития.

¹ Li Teh-dai, Union catalogue of manchu books in the National Library of Peking and the Library of Palace Museum, Peking, 1933, n 192-27; Fuchs w., Beitrage zur Mandjurischen Bibliographie und Literatur, Токуо, 1936, p.98; Misig M., Улаһан баһатур гота-даки шис-ун ном-ун санг-ун манжи ном-ун көмүргөн-дү бауиг-а манжу ном-ун уарсау, улан ватор, 1959, n 216; Волкова М.П. Описание маньчжурских рукописей ИНА СССР, М. 1965, с.59; Упом.: Nobuo Kanada, present state of preservation of Manchu Literature. Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, Токуо, 1968, p.72, 94.

² Ксилограф: "Книга записей событий, связанный с основанием династии Дай Цин", собр. ЛО ИВ АН СССР, шифр: С 156; Добавление, с.96.

³ В.В.Горский, например, показывает, как маньчжуроведы, основываясь на неправильно истолкованном маньчжурском тексте, относили возникновение маньчжурского дома в глубокую древность см.: О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу. - "Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине", СПб., 1852, с.225.

⁴ Rudolph R.C., kshu tanggu orin wakda-i gisun sarkiyun, an unedited manchu manuscript, JAOS, vol. 60, 1940, p.554-563.

А.Л.Гринберг, И.М.Стеблин-Каменский

СИСТАНСКИЕ СКАЗАНИЯ О РУСТАМЕ

В феврале 1975 г. авторы сообщения совершили поездку в Джуну Туркмению с целью изучения фольклора, бытующего у выходцев из Ирана и Афганистана в Серахсском районе Ашхабадской области Туркменской ССР. Среди этих выходцев большинство относится к этнической группе систанцев (самоназвание *sistanî*), своеобраз-

ный персидский диалект которых изучался А.Л.Гринбергом в 1958 г.¹ В процессе изучения диалекта были записаны также образцы систанского фольклора на особой форме наддиалектной речи (*zabān-i qalamī*), близкой к хорасанской разновидности персидского языка. Судя по этим образцам, можно было предполагать наличие богатого и разнообразного фольклора, сохранившегося среди выходцев из Систана.

Во время двухнедельного пребывания в Серахсе авторами было записано на магнитофон и предварительно выверено у информаторов значительное количество фольклорных текстов - волшебные и бытовые сказки, народные лирические и плутовские романы (дастаны), предания, анекдоты и рассказы. Нашим основным информатором по систанскому фольклору был Исмаил Ярмamedов, 60 лет, уроженец Серахса. Его родители, так же как и многие другие систанцы, переселились в юго-восточные районы Туркмении в начале нашего века. Отец Исмаила, по словам сына, - неграмотный бедняк, был полупрофессиональным сказителем высокого класса, хранившим в своей памяти огромное количество прозаического и стихотворного текста, и пользовался большой популярностью как рассказчик. Обладая уникальной памятью и унаследовав от отца дар сказителя, Исмаил усвоил многие из рассказов своего отца, слышанные в детстве.

Среди записанных нами от Исмаила Ярмamedова текстов выделяется цикл сказаний о Рустаме и его потомках Барзу, Азербарзу, Фаромарде и Теймуре. Эти сказания - ритмизованная, местами рифмованная проза с небольшими стихотворными вставками. Стиль этого текста обладает некоторыми особенностями, позволяющими предполагать его длительное бытование в устной эпической традиции. К числу таких особенностей принадлежит употребление многочисленных устойчивых формул для характеристики персонажей и их деяний². Так, во многих местах сказаний в одинаковых или же почти одинаковых выражениях описывается седлание коня: ...*Rustam Raxš=rā suvār šūd, rā va alyā=yi rikāb, be minnat dar xāna=yi zin bā ārām jāgār gærift, šurū kard ba raftan, bayāt=e axš mexānd, ba kārzār mašūi būd.* - "...Рустам сел верхом на Ракша, вложил ногу в стремя, легко, без труда вскочил в седло, уселся поудобнее и двинулся в путь, распевая любовные стихи и совершая ратные подвиги".

...Su^hrāb... Gulrang=a ba zir=e zin=e murassab darāvurd, pā va alça=yi rikāb, bi minnat dar xāna=yi zin bā āgām ħarār gaxift, āmad ba meydān=e ħang. - "... Сухраб ... возложил на Гульранга разукрашенное седло, вложил ногу в стремя, легко, без труда вскочил в седло, уселся поудобнее и выехал на ристалище".

В устойчивых выражениях описывается охота и отдых эпического героя: ...Raħš=rā veyi kard ba pā=yi ħaridan, ħilla=yi tir=u kamān=rā vardāšt. pa^hn dašt=i biyābān=rā qadam zad tā gur=e=rā va madd=e nazar darāvurd. ħilla=rā va tir=e kamān kard va urā zad kə takān naħurd. va urā ba gušt ba pust sāxt, ezum=i bisyār=e ħam kard, kabāb kard=u nušid. separ=e Geršāseb zeg=e sar nehād, ħuħur=e ħāb=rā bāland kard. - "...Рустам пустил Рахша пастись, взял лук и стрелы. Шел по равнине, пока не попался ему на глаза онагр. Натянул тетиву лука и выстрелил в него так, что тот даже не успел шелохнуться. Освежевал его, собрал много дров, разжег костер, приготовил жаркое и поел. Положил под голову щит Гершаспа и громко захрапел".

В таких же устойчивых, характерных для эпического сказания выражениях описываются многочисленные в тексте сцены битв и широв. Упоминание имени Рустама в тексте часто сопровождается стандартной формулой-родословной: Rustam, Rustam=e Zāl, Zāl=e Sām, Sām=e Nariman, sa^heb=e xeuma=yi zangāli. - "Рустам, сын Заля, сына Сама, сына Наримана, хозяин шатра с бубенцами". Последний эпитет является постоянным для Рустама и не находит прямого соответствия в "Шахнаме" Фирдоуси.

В значительной степени повторяющимися оказываются также некоторые сюжетные ходы. Так, прощание Рустама с матерью Сухраба описывается следующим образом: ...guft: "tu agar meri az tu ba ħikam=e man nutfa=yē asta. ħi kunam urā?" bāzuband=e ħud=rā vā kard, dād Rustam ba dast=e zan=e ħud, guft: "agar duxtar bāša, ħarj=eš kun. agar pesar=e bāša, ba bāzū=yāš basta kun, ba Zabulzetān bəfirist". - "...Она сказала: "Ты уходишь, а у меня во чреве твое дитя. Что мне с ним делать?" Рустам снял браслет, дал своей жене и сказал: "Если родится дочь, продай и потрать на нее. Если же родится сын, надень ему на руку и отправь его в Забулистан"³.

Та же ситуация повторяется при прощании Сухраба с матерью его сына Барзу, при прощании Барзу со своей женой. Эти диалоги

излагаются буквально в тех же выражениях, что и в вышеприведенном случае.

Особенностью записанных сказаний является также употребление некоторых географических названий и собственных имен в формах, отличных от известных по тексту "Шахнаме" Фирдоуси: kuh=i Alvard гора Альвард (в "Шахнаме" - Эльборз), Farāward (Фераморз), Firān=i Gisa (Висе), Akmān=i div (Акван). Такого рода фонетические расхождения являются в известной мере диагностическими и могут свидетельствовать о независимом развитии этих имен от общего исходного источника, то есть о том, что записанная версия имеет фольклорное происхождение, а не восходит к какому-либо письменному источнику.

Сюжетные расхождения между записанными сказаниями и текстом "Шахнаме" Фирдоуси весьма значительны. Предполагается провести соответствующее исследование, причем в качестве материала для сравнения будет привлечен не только канонический текст "Шахнаме" но и другие изводы иранского эпоса ("Барзу-наме", "Азерборзин-наме" и др.). Такого рода исследование должно дать ответ на вопрос о том, можно ли видеть в этих сказаниях прямое продолжение искони бытовавших в Систане легенд о систанском герое Рустаме, то есть один из фольклорных источников "Шахнаме"⁴.

¹ А.Л.Гринберг, Сеистанский диалект в Серахсе, - КСИИИ, № 67 (Иранская филология), М., 1963, с.76-86. Там же дана характеристика этнолингвистической ситуации в Серахсе, грамматические заметки и тексты на систанском диалекте.

² Об употреблении "общих мест" (*loci communes*) в устном эпическом творчестве см. Н.В.Кидайш-Покровская, А.С.Мирбадалева. Традиционные элементы стиля в эпическом тексте, - "Текстологическое изучение эпоса", М., 1971, с.64.

³ Ср. этот эпизод в "Шахнаме" Фирдоуси в переводе П.Б.Бану-Лахути: "Носил богатырь на руке амулет/в тексте *muhra* /,

О том амулете слышан был свет.

Его отдавая, Ростем говорит:

"Храни: коль судьба тебе дочь подарит,

К косе прикрепи ей на счастье; всегда

Над нею да светит благая звезда!

А если бы сына послал тебе рок -

Надень ему на руку отчий залог"....
(Фирдоуси, Шахнаме, т.П, М., 1960, с.14).

⁴ Имеются свидетельства того, что народное эпическое творчество жило в Систане еще в течение длительного времени после создания "Шахнаме", см. В.В.Бартольд, К истории персидского эпоса, - "Сочинения", т.УП, М., 1971, с.408.

Л.Н.Додуходова

НЕКОТОРЫЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИНИАТЮР "ХАМСЕ" НИЗАМИ 1431 ГОДА

В иконографическую систему раннегератской школы миниатюры вошли определенные живописные формулы джалаиридского Багдада и Шираза времени Искандара Султана, о чем свидетельствует круг рукописей этого периода¹, включающий в себя и эрмитажный список гератской школы "Хамсе" Низами 1431 г.² Такие его миниатюры, как "Фархад несет Ширин и коня", "Ширин с портретом Хосрова" повторяют композиционные схемы "Антологии" 1410 г. (Британский музей, от. 27.261)³, а последняя вновь появляется в гератской рукописи 1442 г. (Британский музей, от.25.900)⁴. Другие композиции "Хамсе" 1431 г. сами послужили прототипами: миниатюра "Искандар и сирены" была копирована в Герате в 1445 г.⁵, а "Хосров у замка Ширин", как отметил Б.Робинсон, свободно интерпретирована в Ширазе в конце XV в.⁶

Нетрудно заметить, что гератские копии отличаются от ширазских образцов характером стиля, одним из внешних выразителей которого всегда является образ человека. В миниатюрах "Хамсе" 1431 г. он создан в соответствии с новым идеалом и в то время, когда уже "была найдена определенная мера масштабов фигур"⁷. А этот, более осязаемый, иных пропорций герой не мог находиться в рамках старой традиционной картины без того, чтобы как-то не изменить ее, ибо в пространственном отношении она стала ему "тесна". Соответственно, прежним композициям необходимо было